

RU

Геопоэтика Сибири в прозе С. И. Карцевского начала XX века

Першина А. И.

Аннотация. Целью исследования является выявление своеобразия геопоэтического образа Сибири в автобиографической прозе крупнейшего лингвиста XX века С. И. Карцевского периода 1906-1917 гг. Литературное наследие С. И. Карцевского впервые становится аналитическим объектом литературоведческого анализа и рассматривается с точки зрения феномена геопоэтического переживания Сибири, чем и обусловлена научная новизна работы. Для С. И. Карцевского Тобольская губерния рубежа XIX-XX веков - дихотомичный локус, это и «родина», и «чужбина». Опыт путешествий определил геопоэтическую доминанту авторского сознания, выражающуюся в художественной репрезентации оппозиционных категорий «своего» и «чужого». В статье выявляются концептуальные основы чувственно-телесного переживания сибирской земли в прозе Карцевского, исследуется нарративная стратегия, рассматриваются особенности пространственных метафор, на основе которых выстраивается геопоэтический образ Тобольской губернии начала XX века. Полученные результаты показали: геопоэтика Сибири в прозе С. И. Карцевского выстраивается на основе особой концепции «своего» и «чужого»; феноменологическая установка автора соотносится с принципом *tabula rasa*; ключевыми в сибирском тексте писателя становятся геопоэтические метафоры «сети», «ткани», «пелены», «сна».

EN

Geopoetics of Siberia in S. I. Kartsevsky's Prose of the Early XX Century

Perschina A. I.

Abstract. The aim of the research is to identify the singularity of the geopoetic image of Siberia in the 1906-1917 autobiographical prose of an eminent linguist of the XX century S. I. Kartsevsky. The literary heritage of S. I. Kartsevsky for the first time becomes an analytical object of literary analysis and is considered from the viewpoint of the phenomenon of geopoetic experience of Siberia, which determines the scientific novelty of the work. For S. I. Kartsevsky, Tobolsk Governorate at the turn of the XIX-XX centuries is a dichotomous locus, it is both homeland and foreign land. The experience of travelling determined the geopoetic dominant of the authors consciousness, expressed in the artistic representation of the oppositional categories of ones own and alien. The paper identifies the conceptual foundations of the sensory-bodily experience of the Siberian land in Kartsevsky's prose, explores the narrative strategy, examines the features of spatial metaphors, on the basis of which the geopoetic image of Tobolsk Governorate of the early XX century is built. The research findings have shown that the geopoetics of Siberia in S. I. Kartsevsky's prose is built on the basis of a special concept of ones own and alien; the phenomenological attitude of the author correlates with the principle of *tabula rasa*; the geopoetic metaphors of a net, fabric, shroud, sleep become the key ones in the Siberian text of the writer.

Введение

Актуальность данного исследования определяется обращением к сравнительно недавно опубликованному уникальному литературному архиву С. И. Карцевского (2018 г.), относящемуся к периоду его первой эмиграции, а также усиливающимся интересом современной науки к исследованию геопоэтической образности локальных текстов русской культуры. Возникает необходимость приложения существующих методик анализа литературных текстов к ранее не исследованной прозе с целью расширения сведений о литературном процессе рубежа XIX-XX веков. Введение в научный оборот новых текстов, углубляющих представление о феномене Сибири, позволяет дополнить геопоэтическую «локальную» модель русской литературы, воссоздать обобщенную художественную структуру сибирского текста, а также выявить формы индивидуальной художественной рецепции пространства Сибири.

Материалом исследования послужили автобиографические повести писателя «Ямкарка», «Село Туман», рассказ «Большая ночь» и др., рассматриваемые в русле современной междисциплинарной методологии, связанной с изучением геопоэтики художественного текста (Карцевский С. И. Из прошлого, из далекого. Издательские решения, 2018).

Задачами работы являются: выявление стержневых оппозиций в исследуемых произведениях; определение основ индивидуально-авторской концепции освоения ландшафта Сибири в прозе С. И. Карцевского; рассмотрение языковых особенностей формирования писателем геопоэтического образа Тобольской губернии.

В ходе проведения исследования были использованы следующие методы: геопоэтический, мифопоэтический, феноменологический.

Теоретической базой исследования послужили публикации зарубежных и отечественных авторов, посвященные мифопоэтическому (Топоров, 1995) и геопоэтическому (Абашев, 2012; Замятин, 2004; Созина, 2011) подходам к изучению художественных текстов, а также новым биографическим научным изысканиям о жизни и творчестве С. И. Карцевского (Богданова, 2010; Фужерон, 2019; Stelling-Michaud, 1956).

Практическая значимость исследования состоит в том, что его содержание может быть использовано в рамках курсов по изучению региональной литературы и сибирского текста русской культуры.

Основная часть

Геопоэтика является одним из ключевых направлений современного литературоведения, во многом восходящим к семиотическому подходу Ю. М. Лотмана и мифопоэтическому подходу В. Н. Топорова к изучению пространственной образности русской литературы. Обширная методологическая база по изучению географических пространств в сфере гуманитарного знания была разработана сотрудниками Центра гуманитарных исследований пространств, г. Москва (О. А. Лавренова, Н. Ю. Замятина, Р. Ф. Туровский, И. И. Митин, А. П. Люсьи и др.). На современном этапе развития геопоэтической мысли особенно значимы труды В. В. Абашева (2012), определяющего геопоэтику как «целостное поэтическое восприятие мира» (с. 41), основанное на реальном жизненном опыте, сферу чувственного отношения человека с пространством. Изучение историко-культурных ландшафтов – ключевого аспекта геопоэтики – позволяет, как отмечает Е. К. Созина (2011), «увидеть территорию как особый космос, в сочетании взглядов на нее “изнутри” и “извне”» (с. 8). Геопоэтическое осмысление пространства представляет особый интерес в отношении Сибири, образ которой в силу историко-географических причин воспринимается как особый сверттекст.

Духовный центр Сибири – Тобольск – является родиной Сергея Иосифовича Карцевского (1884-1955), известного ученого, заложившего основы мировой лингвистической науки первой половины XX века.

Ученик Ф. де Соссюра и Ш. Балли, он вел активную научную деятельность: преподавал в Страсбурге, Праге, Женеве, был членом Пражского лингвистического кружка. В России лингвистические труды эмигранта С. Карцевского (он уехал за границу в 1906 г., а после недолгого пребывания на родине с 1917 г. по 1919 г. вновь покинул ее уже навсегда) и воспоминания о нем современников начали публиковаться только после его смерти. Однако до настоящего времени вне внимания исследователей оставалась литературная деятельность С. Карцевского. Между тем известно, что он входил в инициативную группу по созданию в Праге общественно-просветительской организации «Комитет русской книги» (1923-1925), состоял в Союзе русских писателей и журналистов Чехословацкой Социалистической Республики, преподавал русскую литературу, выступал с докладами и лекциями по творчеству И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского (Соколова, 2009).

Из изданной переписки М. Горького мы узнаем о переводческой деятельности С. Карцевского: в письме к А. В. Амфитеатрову известный писатель предлагает к публикации в «Современнике» перевод Сергея Иосифовича романной серии Р. Роллана «Жан Кристоф» (Литературное наследство, 1988, с. 265). В переписке с М. Горьким состоял и сам С. Карцевский: в письме от 11 января 1911 года он просит содействовать опубликованию речи, произнесенной им в Женевском университете на торжественном собрании, посвященном памяти Л. Н. Толстого (Литературное наследство, 1988, с. 269).

Как стало известно из переданного Женевскому университету архива ученого (2012 г., после смерти сына С. Карцевского), он оставил после себя и богатое литературное наследие – найденные в архиве рукописи автора были впервые опубликованы в сборнике «Из прошлого, из далекого» (2018 г.). Выдающийся лингвист С. Карцевский был талантливым литератором, что и отмечает в биографической заметке об ученом профессор филологического факультета Женевского университета С. Стеллинг-Мишо: «Так двойственна его натура ученого и художника» (в оригинале: “Qui representaient si bien le double aspect de sa nature de savant et d’artiste” (Stelling-Michaud, 1956, p. 7)).

Неизвестно, однако, могло ли быть явлено современному читателю литературное наследие С. Карцевского, так высоко оцененное его современниками, если бы не находка работников Кондинского краеведческого музея (пос. Кондинское, ХМАО-Югра). Именно в этом поселке (с 1847 г. по 1961 г. – с. Нахрачи) ученый начал свою просветительскую деятельность в должности «народного учителя». В переданном музее архиве местной учительницы Е. А. Головкиной было найдено четыре письма с упоминанием о С. Карцевском. В одном из них уроженец Тобольска, публицист Н. Н. Накоряков по просьбе партийного деятеля И. А. Искры вспоминает о жизни на Конде (в 1897 г. он участвовал в Венгерской экспедиции профессоров Яна Янно и Карьялайнена): «В 1903-1904 гг. мы, группа социал-демократов... общими усилиями обрядили и направили...

Сергея Карцевского в с. Болчары, первого учителя в школу грамоты» (Цит. по: Богданова, 2010, с. 161). Как позже станет известно из рукописи С. Карцевского «Среди вогул», не в с. Болчары, а в соседний населенный пункт Нахрачи Тобольского уезда.

Дальнейшие поиски информации о судьбе С. Карцевского – поездка в Тобольск, родной город ученого, и Нижний Новгород, где он работал в общественной библиотеке, обращение к исследователю его лингвистических трудов Ирине Фужерон, а впоследствии и к сыну С. Карцевского – позволили директору музея Надежде Ивановне Богдановой и ее коллегам вернуть в историю и культуру старорусского города Тобольска преданное забвению имя Сергея Иосифовича Карцевского, преумножившего славу родного края.

Личное знакомство автора статьи с Н. И. Богдановой позволило из первых уст узнать информацию о проведенных музеем поисках, ознакомиться с собранными об ученом материалами и получить экземпляр ограниченного тиража «Из прошлого, из далекого», благодаря чему и стало возможным настоящее исследование.

Предметом нашего внимания является геопозитическое переживание Тобольской губернии начала XX века в автобиографической прозе С. И. Карцевского периода его первой эмиграции (1906-1917).

Как отмечает И. И. Фужерон (2019), «большинство рассказов Карцевского носит биографически-мемуарный характер, они отражают ранний жизненный опыт автора» (с. 126), связанный с путешествиями по Тобольской губернии. Так, в основе повестей «Ямкарка» и «Село Туман» – опыт жизни губернского учителя в отдаленной сибирской провинции; рассказ «Большая ночь» отражает взгляд эмигранта на родной город с высоты времени, спустя десять лет. Своеобразие прозы С. Карцевского заключается в том, что, репрезентируя путь сибиряка по Сибири, он отражает взгляд «чужого»: нарратор анализируемых текстов чаще всего занимает позицию участного наблюдателя, исследователя (этим объясняется высокий этнографический потенциал произведений), он открывает новый край и себя в нем.

В основе сюжета повести С. Карцевского (2018) «Село Туман» – первые недели пребывания в одноименном населенном пункте учителя, направленного в местное училище (школу) на замену покончившей с собой преподавательницы. Отметим, что именно смерть становится отправной точкой истории, и она же завершает ее – повесть заканчивается главой «Смерть акцизного». Для отдаленного сибирского села смерть (не только насильственная, но и естественная) становится событием – нарушением бытия. «Застывшее время» как устойчивая константа провинциальной топики подчеркивается взглядом «извне»: «...казалось, вся мебель у них знает свои места и никогда не сдвигалась с них» (с. 10). Отсутствие пространственно-временной динамики становится константным, определяющим признаком геопозитики сибирской провинции: местные жители «выбегают с непокрытой головой из ворот – поглядеть на проезжих» (с. 1), вскоре и сам учитель разделяет позицию местного жителя: «Когда мне бывает скучно, по целым часам я смотрю на дорогу и жду, не покажется ли кто из лесу» (с. 11).

Связанные с этим мотивы скуки и одиночества являются превалирующими. Оказавшись в купеческом доме Поповых, попечителей тумановского училища, учитель чувствует себя неловко. Вернувшийся из поездки по торговым делам муж попечительницы производит на героя странное впечатление: «Лицо его кажется простым и добрым... но, когда он начинает говорить, потирая заискивающе руки и бегая по сторонам глазами, – я вижу перед собой человека, который и продаст, и заживо съест, и которого ничем не тронешь» (Карцевский, 2018, с. 6). В повести возникает традиционный для геокультурного ландшафта Сибири тип купца.

Сибирская провинция, в которой оказывается губернский учитель, довлеет над героем, лишает его ориентиров: «...становилось пусто кругом, одиноко, нужно было полагаться только на себя, а в себе не было сил, и все это пугало» (Карцевский, 2018, с. 12). И внутреннюю опору учитель, герой повести «Село Туман», ищет в окружающем его пространстве. Именно сибирская природа становится в повести «Село Туман» ценностной доминантой, основой взаимосвязи человека и края. Основой перцептивного восприятия сибирского ландшафта выступает акустический фактор; герой вслушивается в «беззвучную тишину», сравнивает снег с «бесшумной тканью», подмечает способность «снежного полотна» заглушать звук шагов. Слуховая рецепция формирует особенности и зрительного восприятия пространства, именно безмолвие природы в сознании учителя «наполняло все видимое глазом» чем-то «интимным», «доверчивым».

Особенностью геопозитической концепции «о-своения» Сибири становится в прозе С. Карцевского отсутствие установки на покорение пространства, овладение им, что позволяет демифологизировать пространство Сибири. Процесс демифологизации рассматривается в работах В. Н. Топорова (1995) и определяется им «как разрушение стереотипов мифопоэтического мышления», при котором писатель становится «голосом» места, его сознанием и самосознанием и создает «новое» пространство (с. 5). Как видим, именно этот принцип отношения человека к пространству был разработан в сибирской прозе С. Карцевского начала XX века. Оппозиция «своего» и «чужого» в ней разрушается в стремлении героя «вжиться» в само пространство Сибири, раствориться в тишине снежной пустыни. В авторском сознании «чужой» «не находится в мире, он становится вместе с миром, становится в процессе его созерцания» (Делез, Гваттари, 2009, с. 195).

Оппозиция «своего» и «чужого» раскрывается и в повести «Ямкарка» (1910 г.). Герой произведения, направляющийся в с. Сатыгу учитель, в силу непогоды останавливается на почтовой станции в с. Ягодное, где проводит несколько дней и влюбляется в дочь ямкарей (почталыонов) Дарью.

Оказавшись в этом «неведомом крае», учитель испытывает чувственно-телесное «переживание» места; климатические, социальные факторы определяют его физическое состояние: «Во всем теле чувствовалась напряженность и усталость, вероятно, это было следствие долгого путешествия, сказывались **новые** впечатления,

воздух, снег. Все было **странно и чудно** вокруг... Новые места, далеко отовсюду, такие края, о существовании которых никогда и не думалось. Все было **необыкновенно**» (Карцевский, 2018, с. 61). Мотив «другого» является основой контраста центра и периферии; отметим, что «другое» в прозе С. Карцевского мыслится синонимом не «чужого», а «иног», располагающего к познанию; ключевым становится мотив открытия новых мест. Прибывший из города учитель осваивает сибирские промыслы, разделяет быт ямкарей и настолько привыкает к жизни в Ягодном, что ему начинает казаться, что он был здесь всегда. Герой воспринимает сибирское село как второй дом, родную землю. Карцевский (2018) демифологизирует пространство Сибири как землю, населенную варварами, дикарями. Он открывает мир доброжелательных сибиряков, готовых принять «чужого»: никто не расспрашивал учителя, «кто он и откуда, но **гостеприимно** потчивали махоркой, кормили ухой, **дружески** подшучивали и похлопывали по плечу» (с. 79).

Геопоэтическое восприятие Сибири и «переживание» героем конфликта «своего» и «чужого» строятся в прозе С. Карцевского (2018) на основе метафорического образа «плетения». Это и буквальное плетение рыболовной сети, невода – значимого для сибиряков предмета, и образное «плетение снега», который воспринимается им как «тяжелая бесшумная ткань», «коврик», «пелена». «Связываются в сеть» воспоминания, а представление о неведомом сибирском крае «сплетается в причудливую ткань». И сам ландшафт Сибири словно кем-то соткан: вечерние зори повисли «завесой», осыпало снегом «сетку ветвей», висят «паутинки», часто опускается «туман». Семантика данных метафор неоднозначна. Они указывают на хрупкость, зыбкость границ, разделяющих субъекта и место. Вместе с тем это и сеть, не дающая проникнуть сквозь нее, не позволяющая стать ближе сибирскому краю. Так, герой «Больной ночи», утративший связь с родными местами, идет, «натякаясь на ветви, цепляясь удилицем, путаясь ногами» (с. 28).

Произведение «Большая ночь» автором не датировано, однако соотнесение некоторых фактов позволяет назвать примерное время его создания – 1917-1919 гг. В эти годы Карцевский (2018) предпринял поездку в Россию после первой эмиграции 1906 года. Сюжет возвращения героя в родной город – «я долго ехал, чтобы повидать его», «прошло целых десять лет» (с. 26) – позволяет предположить, что во время недолгого пребывания в России Карцевский посетил Тобольск. Название города фигурирует в тексте в сокращенном варианте – г. Т., однако в нем упоминается поселок Сузгун, входящий в настоящее время в состав родного города С. Карцевского.

Рассказ «Большая ночь» отличается сложной субъектной организацией, в которой автор, повествователь и герой сливаются в неуловимое «я». По своей нарративной идентичности герой может быть рассмотрен как форма объективации авторского сознания. Определить вернувшегося в родной город субъекта рассказа как автогероя, в судьбе которого отражены жизненные перипетии самого С. И. Карцевского (2018), позволяют и следующие детали: воспоминания о гимназическом детстве (писатель учился в классической мужской гимназии г. Тобольска), упоминание о жизни на Волге (Карцевский некоторое время работал в библиотеке Нижнего Новгорода), проходящая лейтмотивом тема революции – одна из ведущих в публицистических работах лингвиста. «Голоса» автора, повествователя и героя «сливаются» на протяжении всего рассказа. Так, в начале произведения пейзаж – «солнце только что зашло», «небо перекрылось тонкой вечерней дымкой» – прерывается суждениями самого героя, а используемая форма будущего времени наделяет его позицией посвященного, хорошо знающего этот город: «**Скоро** сквозь нее **проступят** редкие бледные звезды, и **придет** одна из тех последних летних ночей, которые **так хороши в наших местах**» (с. 23). В «Больной ночи» автобиографический герой и повествователь предстают трудно различимыми формами авторского сознания, что позволяет определить субъекта речи рассказа как героя-повествователя.

Сложность нарративной стратегии обусловливается и наложением точек зрения. Рассказ «Большая ночь» завершается встречей героя с местным жителем Игнатом. Подчеркнем, что герой сибирских текстов С. Карцевского – почти всегда фигура биографическая, и репрезентированные через призму его сознания события отражают путь самого автора. Так, история Игната о жизни в купеческом доме в сибирской провинции, которую он рассказывает герою «Больной ночи», почти дословно отражает опыт жизни субъекта речи повести «Село Туман». Сопоставим опыт переживания места в обоих произведениях:

«Село Туман», повествователь	«Большая ночь», Игнат
«Могучий, как кряж, восьмидесятипятилетний старик <...>. Еще до свету подымался... молился перед кивотом... потом обходил весь дом, и двор, и службы» (Карцевский, 2018, с. 6).	«Старик, старый уж, лет восьмидесяти, поди, крепкий, кряжистый, встанет рано, Богу молится <...>. Еще ни свет, ни заря обойдет все свои владения дозором» (Карцевский, 2018, с. 31).
«На жарких пуховиках, на высоких подушках проснулся я среди ночи. Поразила меня больше всего та спокойная уверенность, которая царила во всем доме. Душно мне стало, не лежит на перинах – не умею, это ведь тоже привычка и спокойная совесть нужна, чтобы за замками, за глухими ставнями, на гжучих перинах, в темноте уметь сладкие сны видеть» (Карцевский, 2018, с. 10).	«Проснулся я однажды, у них все еще на перинах, на пуховых, жарко, окна закрыты ставнями. И думаю, что ж я тоже, почему я не могу так спокойно жить?! Нет во мне этой уверенности. Тяжело у них жить – спокойно все, уверенно, и так спокон веку идет» (Карцевский, 2018, с. 31).

Повторение мотивов и нарративной структуры позволяет С. Карцевскому актуализировать значимые для него аспекты «опыта жизни здесь», в сибирской провинции (категория «опыта жизни здесь», доминантная для геопоэтического переживания, рассматривается в работе Г. И. Данилиной, Е. Н. Эртнер (2000)). «Закрытость»,

«обособленность» Тобольской губернии подчеркивается повествователем «Большой ночи» и при описании города: «То был робкий, мирный и тихий, никому **неведомый** и **ненужный** городок... Отсюда было **далеко-далеко** во все концы остального света» (Карцевский, 2018, с. 24). Образ Сибири как «глухого» места соотносится в рассказе «Большая ночь» и с геопоэтикой сибирского дома. Герой-повествователь Карцевского (2018), навещая своих сверстников, подмечает однообразие местного интерьера: «Я знал, что найду там **те же** кисейные занавески, герань на окнах и засиженные мухами мутные стекла, и **ничего больше**» (с. 26).

Символика «мутного» становится ключевой в процессе метафоризации С. Карцевским (2018) пространства Тобольской губернии («заросли», «дымка», «улицы, погруженные в тень», «завеса», «туман» и др.) и подчеркивает неизменность жизни края: «Тут все осталось **по-старому**. Слово **густым** **слоем** глаза **затянуло**» (с. 26). Визуальная «граница» в рассказе «Большая ночь» выстраивается не только в сознании нарратора – метафорически, но и буквализируется в пространстве реки. На протяжении всего повествования герой Карцевского находится не в самом городе, а на противоположном берегу, что позволяет ему словно со стороны взглянуть и на сам городок, и на свое прошлое. Река становится границей, буквально и метафорически разделяющей прошлое и настоящее.

В основе рассказа «Большая ночь» – сюжетная ситуация возвращения в родной город, и в центре внимания повествуемого «я» – пространство памяти, внутреннее «переживание» места.

Герой – повествователь рассказа отправляется на старые места, где ребенком бывал на рыбной ловле. Сначала ему кажется, что «город **не изменился**», «**все так же** и **все то же**, словно **я и не уезжал**» (Карцевский, 2018, с. 24), однако, найдя «то самое место» и глубже погружаясь в воспоминания, герой осознает иное: «**Все изменилось резко** – тальник разросся в ивы, **затянуло песком следы** наших сооружений, и **чи-то новые следы** пробороzdили берег» (Карцевский, 2018, с. 25). Внутренняя, «ностальгическая система координат» не совпадает с внешней географической; изменился ландшафт знакомых мест, и сам город видится теперь чуждой реальностью.

Ощущение «присутствия»/«отсутствия» себя в данном месте нарратор выражает посредством символического образа следа, выступающего «универсальной формой не-наличия», продуцирующего «свое собственное стирание» (Постмодернизм. Энциклопедия. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. С. 788). Герой ищет в знакомом ему пространстве «свое» и «себя», буквально – свой след, и мысленно переносится в иное пространственно-временное измерение: «Будто **маленький я** сегодня с утра забрался в кусты, побродил и **вот вышел, все тот же**, в гимназической фуражке, с удочками в руках» (Карцевский, 2018, с. 25).

С. Карцевский (2018) выстраивает сложную нарративную структуру, при которой «я» повествователя «расслаивается» на «я» субъекта речи и «я» объекта описания, при этом нынешнее и прежнее «я» оказываются неразрывно связаны. С одной стороны, мальчик в гимназической фуражке выступает в качестве объекта, прежнего «я», однако утверждение – «я все тот же» – выражает оценку самого субъекта, «я» нынешнего. Ключевым становится мотив узнавания, взглядывания, отыскывания самого себя в пространстве: «Ходил и жадно смотрел, старался поймать прежнее милое и родное» (с. 26).

Однако ситуация встречи субъекта и родного края оборачивается не-встречей; субъективизация повествования позволяет С. Карцевскому (2018) отразить изменение взгляда «свой» → «чужой». Смена топосов (в данном случае – возвращение в родной город) определяет изменение душевно-телесного переживания героя. В процессе переживания места субъект отдаляется от родного края, и в конце произведения он противопоставляет себя этому пространству и на вопрос местного жителя: «Здесьный будете?» – отвечает: «Нет, **я из дальних**, приехал в город по делам» (с. 29). Можно отметить, что испытывающий на себе власть места герой С. Карцевского репрезентируется в разных психосоциальных типах: «возвращающийся на родину» → «отверженный» → «чужеземец» (Делез, Гваттари, 2009, с. 78).

Осмысляя ситуацию возвращения, С. Карцевский (2018) концептуализирует пространство памяти; в «Большой ночи» оно предстает как материальное, предметное: «Воспоминания **нашли на меня** и **сквозь меня**: я не мог пошевелинуться» (с. 25), «я пробирался сквозь **сеть воспоминаний**, стараясь **не опрокинуть, не разломать** вставшие **образы**» (с. 27), «с усилием поднялся от земли, **отряхнув** воспоминания» (с. 28). Когнитивное наделяется пространственными признаками, и сам ландшафт словно становится частью внутреннего мира героя. Так, метафорическое, вынесенное в заглавие сочетание «Большая ночь» отражает переживания нарратора (буквально: ночь, причиняющая ему боль, страдания); однако связь субъекта и места оказывается столь неразрывной, что в его сознании сам город предстает носителем этих переживаний: «Неспокойная большая ночь охватила и реку, и небо, и смутно маячивший церквами город» (с. 28). Край воспринимается героем как живой, обратим внимание на пространственные метафоры, характеризующие родной город: «...он **притулился** у самой горы, частью **вполз** в нее» (с. 23), «городок... **потягивался, встряхивался... растягивался** на солнце» (с. 24). Сибирская провинция предстает как живое существо, субъект не только действия, но и сознания.

Переживание родного края, переход из позиции «своего» в позицию «чужого» обуславливает метафорическое восприятие родного города как места вечного сна; для человека, не сумевшего найти здесь «свое», город становится пространством пустоты: «**Могильное одиночество охватило меня** <...>. захотелось воскликнуть... но не в шутку, о нет! Есть ли живая душа? Откликнись!» (Карцевский, 2018, с. 27). Особенностью нарративной стратегии при этом становится бифуркация точки зрения: авторское переживание сибирского города С. Карцевский (2018) раскрывает и на уровне позиции диегетического нарратора, и через восприятие вторичного нарратора, местного жителя Игната, который в диалоге с героем так описывает свое восприятие города: «Этак бы пожар ли что ли, вода ли бы пришла. **Пробудиться бы...** Может, все это **во сне** видишь.

Словно между тобой и всем миром **стекло такое встало**, видишь, а **подойти не можешь**» (с. 32). Невидимая преграда, вдруг «разделившая» «героя» и «мир», символизирует и чувство отчуждения повествователя от некогда близких людей, его земляков. Встреча с ними приносит разочарование: «Как все изменилось! <...> Обрюзгли, потяжелели и стали скучными, серыми. Румянец юности поблек, глаза потускнели, свежие певучие голоса охрипли, души загубели, и ржавчиной покрыло совесть» (с. 26). Произошедшие с жителями Тобольска перемены повествователь во многом объясняет культурно-историческим контекстом, бурным революционным временем. Он отмечает: «В моем городе, где мы все знали друг друга, нашлись и палачи, и тюремщики. Ведь даже один из наших друзей был тюремным смотрителем» (с. 28). Мысли о революции меняют представление героя о родном городе: если в начале рассказа он воспринимается им как «тихий» и «мирный», то в конце – как «оскверненный руками палачей», «запятнанный кровью». И в фокус зрения нарратора попадают другие ландшафтные «индексы» – не «горящие золотом купола церквей» (связанные с представлением о Тобольске как духовном центре Сибири), а «высокий тын острога» и «отвесная стена тюрьмы». Авторское сознание С. Карцевского формирует дихотомичный геопоэтический образ Тобольской губернии начала XX века как «рая» и «ада», «своего» и «чужого», «живого» и «непробудного».

Заключение

Автобиографические произведения С. И. Карцевского отражают путь сибиряка в Сибири, и сюжет этот весьма нов для русской литературы. В повестях «Село Туман» и «Ямкарка» С. И. Карцевский передает эволюцию взгляда героя на новый край: по мере освоения «необыкновенного», «странного» пространства оно неожиданно открывается как «ясное» и «родное». Ключевыми геопоэтическими метафорами становятся символические образы «сети», «ткани», «захватывающие» героя и вместе с тем не дающие проникнуть в пространство Сибири. Особенность феноменологической установки Карцевского соотносится с принципом *tabula rasa*: герой «входит» в мир Сибири «изначальным», его сознание свободно, «чисто» от предрассудков и стереотипов; он вглядывается и вслушивается в новые края, «впитывает» дух места, обретает «опыт жизни здесь», постигая новое пространство и нового себя в нем.

Рассказ «Болезнь» репрезентирует «переживание» героем-повествователем родного города. Герой проходит путь от позиции «своего» к позиции «чужого», граница между городом как таковым и его образом, хранимым памятью героя, становится непреодолимой. В начале рассказа нарратор воссоздает живописный ландшафтный «текст» Тобольска, представленный визуальными образами «зеркала реки», «церквей», «зелени садов», «звезд» и др. Однако попытка отыскать в знакомом ландшафте «прежнее», «родное», «свое» оборачивается метаморфозой окружающего пространства: между субъектом речи и городом возникает геопоэтическая граница, представленная не только конкретными ландшафтными объектами («река», «мутные стекла», «заросли ветвей»), но и символическими образами «пелены», «слоя», «сна» – что во многом и формирует образ сибирской провинции как «глухого» и «заповедного» места.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в рассмотрении повестей С. И. Карцевского в контексте сибирского текста русской литературы рубежа XIX–XX веков: прозы Д. Н. Мамина-Сибиряка, Н. А. Лухмановой, К. Д. Носилова и др.

Источники | References

1. Абашев В. В. Русская литература Урала. Проблемы геопоэтики: уч. пособие. Пермь, 2012.
2. Богданова Н. И. Открытие имени в истории Конды // Восьмые Татищевские чтения: мат. регион. науч. конф. (г. Екатеринбург, 27–28 мая 2010 г.). Екатеринбург, 2010.
3. Данилина Г. И., Эртнер Е. Н. Писатель и его край: онтологический конфликт как научная проблема // Филологический дискурс. 2000. Вып. 1.
4. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. и послесл. С. Зенкина. М., 2009.
5. Замятин Д. Н. Географические образы путешествий // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. 2004. Вып. 1.
6. Литературное наследство: в 104-х т. М., 1988. Т. 95. Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка / отв. ред. И. С. Зильберштейн, Н. И. Дикушина.
7. Созина Е. К. Историко-культурный ландшафт Урала: к методологии исследования // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Екатеринбург, 2011. Вып. 6. Историко-культурный ландшафт Урала: литература, этнос, власть.
8. Соколова В. А. Русские ученые-слависты в Чехословакии между двумя мировыми войнами: 1920–1945 гг.: библиографические материалы к истории русской филологии в эмиграции // Новые российские гуманитарные исследования. 2009. № 4.
9. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.
10. Фужерон И. И. История одной жизни. Сергей Иосифович Карцевский // Русская речь. 2019. № 1.
11. Stelling-Michaud S. Notice Biographique // Cahiers Ferdinand de Saussure. 1956. No. 14.

Информация об авторах | Author information

Першина Алена Игоревна¹

¹ Тюменский государственный университет

Pershina Alyona Igorevna¹

¹ Tyumen State University

¹ pershina.alena@rambler.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.02.2023; опубликовано (published): 31.03.2023.

Ключевые слова (keywords): геопоэтика; сибирский текст; С. И. Карцевский; автобиографическая проза; Тобольская губерния; конфликт «своего» и «чужого»; geopoetics; Siberian text; S. I. Kartsevsky; autobiographical prose; Tobolsk Governorate; conflict of "one's own" and "alien".